

A woman with long, wavy brown hair adorned with pink flowers and a small cross earring. She is wearing a red, long-sleeved dress with a dark, lace-trimmed bodice. She is looking over her shoulder towards the camera. The background is a lush, rolling landscape with a winding dirt road, several wooden houses with thatched roofs, and fields of golden wheat and purple flowers.

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

СОБСТВЕННИЦА
ПУСТЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Надежда Соколова

Собственница Пустых земель

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Собственница Пустых земель / Н. И. Соколова — «Автор», 2026

В свои 35 я попала в другой мир, магический и жестокий к чужакам. Теперь, вместе с пятью изгоями, я пытаюсь выжить в Пустых землях, на бесплодной земле. Впрочем, так ли она бесплодна? И почему ко мне начали проявлять интерес соседи-аристократы?..

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Надежда Соколова

Собственница Пустых земель

Глава 1

Через день, ранним утром, когда солнце только поднялось над горизонтом и роса ещё блестела на траве, воздух за калиткой задрожал. Я стояла у родника, набирая воду, и почувствовала знакомую вибрацию — низкую, тёплую, с тем гудением, которое я уже научилась узнавать. Сердце у меня ёкнуло — не от страха, а от того трепетного нетерпения, которое я гнала от себя все эти дни. Я выпрямилась, и ведро в моей руке качнулось, расплескав воду на траву, — я увидела, как разверзается арка портала — широкая, устойчивая, с золотистым светом внутри. Свет был мягким, живым, он струился, как мёд, и в нём дрожали пылинки, и я на миг замерла, чувствуя, как утренний холодок пробегает по спине, а по коже — тёплая волна.

Первым вышел Ричард. Он был в том же тёмном плаще, с мечом на поясе, и его лицо было серьёзным, но в глазах — я видела — горело что-то, чего я не видела раньше. Не любопытство. Не деловой интерес. Что-то более глубокое. Предвкушение. Он шагнул на траву, и роса блеснула на его сапогах, и он на мгновение задержался, оглядываясь, — и я заметила, как его плечи чуть расслабились, как будто он долго сдерживал дыхание и наконец выдохнул. Его взгляд нашёл меня, и уголок его губ дрогнул — едва заметно, но я увидела это, и внутри у меня что-то отозвалось тепло и неловко.

За ним вышли маги. Трое. Первый — высокий, седой эльф в тёмно-синей мантии, с посохом из чёрного дерева, увенчанным прозрачным камнем. Его лицо было спокойным и отстранённым, как у человека, который привык смотреть на мир свысока, но когда он ступил на траву, я увидела, как его тонкие пальцы крепче сжали посох, а взгляд медленно, внимательно прошёлся по окрестностям — и в этом взгляде было что-то похожее на удивление, которое он старательно прятал. Второй — женщина-гномка, коренастая, с рыжими волосами, заплетёнными в сложную косу, и с руками, унизанными кольцами с камнями. Она вышла, шумно выдохнув, и сразу принюхалась, как будто проверяла воздух на запах, и её лицо — живое, круглое, усыпанное веснушками — осветилось чем-то похожим на удовольствие. Третий — молодой человек, почти юноша, с бледным лицом и острым взглядом, в простой серой одежде, без посоха, без украшений, но с чем-то в глазах, что говорило: он видит больше, чем показывает. Он вышел последним, тихо, почти неслышно, и сразу остановился, глядя на реку, на дома, на небо — и его бледные губы беззвучно шевельнулись, как будто он что-то считал про себя.

Ричард подошёл ко мне и слегка склонил голову. Я почувствовала, как от него пахнет дорогой — кожей, металлом, холодным утренним воздухом, — и как он стоит чуть ближе, чем нужно, и как моё сердце от этого стучит громче.

— Анна, — сказал он, и его голос был ровным, но в нём чувствовалась сдержанная энергия. — Я получил твоё письмо. Мы пришли. Это маги императора. Они знают, что делать.

Я кивнула, и голос у меня в горле пересох, и я повела их к реке, чувствуя, как они идут за мной — тихо, внимательно, как люди, которые привыкли ступать осторожно. Мы шли по тропинке, и я видела, как маги оглядываются — на дома, на стену, на мельницу, на колодец, на огород, на людей, которые выходили из домов, чтобы посмотреть. Я видела, как они переглядываются, как что-то тихо говорят друг другу. Я не слышала слов, но понимала: они не ожидали увидеть такое. Пустые земли не должны были выглядеть так. Живыми. И от этого понимания у меня внутри поднималось что-то гордое и вместе с тем тревожное — как будто я показывала им не просто хозяйство, а что-то своё, сокровенное, и ждала приговора.

Мы вышли к реке. Арка портала стояла на том же месте — тёмная, каменная, с семью кнопками. Первая кнопка всё ещё слабо светилась. Маги остановились перед ней и замерли. Я слышала, как затихли их шаги, как стихло их дыхание, и на мгновение стало так тихо, что я услышала, как вода журчит по камням и как где-то вдалеке кричит птица.

Седой эльф подошёл первым. Он провёл рукой над аркой, и я увидела, как его посох начал светиться — слабо, ровно. Он что-то сказал на древнем языке, и голос его звучал низко и торжественно, и камень под его пальцами отозвался — тёмные символы на арке начали проступать, как будто их только что вырезали. Я подалась вперёд, не в силах сдержаться, — и увидела, как на его спокойном лице появилась тень — тень уважения, почти благоговения.

— Это древняя работа, — сказал он, и его голос был глубоким, как гул земли. — Очень древняя. Портал создан теми, кто жил здесь до нас. Он не опасен. Но он требует силы. Много силы.

Женщина-гномка подошла и положила ладони на арку. Её кольца вспыхнули, и я увидела, как по её рукам пробегают искры — маленькие, яркие, как звёзды. Она нахмурилась, и её губы сжались, и я услышала, как она пробормотала что-то себе под нос — недовольно, но с азартом, — и её пальцы, покрытые веснушками, дрогнули, как будто камень под ними был живым и тёплым.

— Здесь семь кнопок, — сказала она. — Каждая — это мир. Верхняя — тот, что вы видели. Серый. Мёртвый. Но остальные...

Она замолчала, и в этой паузе я услышала, как у меня в горле стучит кровь. Её пальцы всё ещё лежали на арке, и искры под ними гасли одна за другой, и лицо у неё было сосредоточенным, почти суровым, но в глазах — я видела — пряталось что-то растерянное, как у человека, который заглянул в колодец и не увидел дна. Молодой человек — юноша в сером — подошёл и посмотрел на кнопки. Он не касался их. Просто смотрел. И я видела, как его глаза — острые, бледные — двигаются от одной кнопки к другой, как будто он читает их. Он стоял очень тихо, почти не дыша, и его худые плечи были напряжены, и я поймала себя на том, что тоже затаила дыхание, боясь спугнуть то, что он пытался нащупать.

— Здесь есть живой мир, — сказал он тихо. — Я чувствую. Он где-то там. Не первый. Может быть, третий. Может быть, пятый. Но он есть.

Голос у него был ровный, но в нём дрожала едва уловимая нотка — не радости, а скорее изумления, как будто он сам не до конца верил тому, что говорил. Я почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок, и в то же время внутри поднялась тёплая, беспокойная волна — надежда, которую я боялась впустить слишком глубоко.

Ричард подошёл ко мне и встал рядом. Он смотрел на арку, и его лицо было задумчивым. Я чувствовала его близость — тепло плеча, запах дороги, — и от этого мне было и спокойнее, и тревожнее одновременно.

— Мы можем открыть его, — сказал он. — Но не сейчас. Нужно время. Нужно подготовиться. Маги должны изучить арку. Понять, как она работает. И потом — решить, куда идти.

— Сколько времени? — спросила я, и голос у меня вышел тише, чем я хотела.

— Неделя, — ответил он. — Может, две. Мы останемся здесь. Если ты позволишь.

Я посмотрела на него. На магов. На арку. На реку, которая текла рядом, спокойно и бесконечно. Я думала о том, что мы нашли. Мы нашли портал. Мы активировали его. Но открыть его — не наша задача. Не наша сила. И это было нормально. Мы сделали то, что могли. От этой мысли у меня внутри разлилось странное облегчение — как будто с плеч сняли груз, о котором я уже забыла, что его несу, — и вместе с ним пришла тихая, щемящая грусть: всё менялось, и я не знала, что будет дальше.

— Оставайтесь, — сказала я. — Мы найдём вам место.

Ричард кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, благодарное, отчего у меня защемило в груди. Маги уже склонились над аркой, что-то изучая, что-то записывая — Маэлор

водил посохом над камнем, и его седые брови были сведены, а Хельга что-то быстро чертила в маленькой книжке, прикусив от усердия губу. Я видела, как Тарра подошла к ним и начала говорить на древнем языке, и её голос звучал мягко и уверенно, как у наставницы. Я видела, как Эстарх и Аэдриэль присоединились, и как они встали чуть поодаль, внимательно слушая, и как ветер шевелил их волосы.

Маги остались. Ричард поселил их в новом доме — в комнатах для гостей, которые мы готовили для таких случаев. Седой эльф, которого звали Маэлор, занял комнату на втором этаже, окнами на реку. Он вошёл туда, и я видела, как он медленно подошёл к окну, положил ладонь на раму и долго стоял, глядя на воду, и его отстранённое лицо на мгновение смягчилось — как будто вид текущей реки что-то отогрел в нём. Гномка, её звали Хельга, выбрала комнату рядом с кухней — она сказала, что любит запах хлеба по утрам. Она сразу же принялась устраиваться: расстелила на кровати клетчатое одеяло, расставила на подоконнике какие-то баночки и склянки, и всё это делала с таким довольным, деловитым видом, что я невольно улыбнулась. Молодой человек, юноша в сером, которого звали Тиэн, попросил самую маленькую комнату, почти чулан, с одним окном на север. Он сказал, что ему нужно меньше света, но больше тишины. Когда я привела его туда, он остановился на пороге, обвёл взглядом голые стены, узкую кровать и одинокое окно — и на его бледном лице появилось что-то похожее на облегчение, почти на благодарность, и он тихо сказал «спасибо» так, как будто это слово для него было редким гостем.

Ричард остался в башне с Эстархом и Аэдриэлем. Я видела, как они сидят допоздна, и в окнах башни горит свет, и слышатся тихие голоса. Они говорили о портале. О том, что нашли. О том, что может быть дальше. Я проходила мимо по двору — с ведром воды, с охапкой дров, — и каждый раз невольно замедляла шаг, поднимала голову к тёплым жёлтым квадратам окон и чувствовала, как во мне борются два чувства: желание подняться туда, сесть рядом, слушать, — и робость, от которой я только крепче сжимала ручки ведра. Свет в башне был ровным, спокойным, и голоса звучали приглушённо, без споров, — и от этого на душе у меня становилось тише.

Маги начали работу на следующее утро. Они вышли к реке, к арке, и провели там весь день. Маэлор чертил на земле схемы, которые я не могла понять: круги, пересекающиеся линии, знаки, похожие на звёзды, — и его посох оставлял в пыли тонкие светящиеся борозды, которые медленно гасли. Он работал молча, с таким сосредоточенным лицом, что я боялась подойти и предложить воды. Хельга ощупывала камни, из которых была сложена арка, и что-то записывала на бересте. Её крепкие пальцы с кольцами гладили камень так бережно, почти по-матерински, и она то и дело что-то бормотала себе под нос — то недоверчиво, то одобрительно, — а её рыжая коса растрепалась от ветра, и она сердито заправляла её за ухо, пачкая щёку сажей от угляка. Тиэн просто стоял и смотрел. Он не трогал арку. Не чертил. Не записывал. Он смотрел — и я видела, как его глаза двигаются, как будто он читает что-то, чего не видят другие. Он стоял неподвижно, как изваяние, и только полы его серой одежды шевелились на ветру, и мне казалось, что он не здесь — что он где-то там, внутри камня, внутри тех миров, которые чуял.

Тарра присоединилась к ним в первый же день. Я видела, как она подошла к Маэлору и что-то сказала на древнем языке. Он поднял голову, посмотрел на неё — и его лицо изменилось. Не удивление. Узнавание. Я увидела, как у него дрогнули пальцы на посохе, как он медленно выпрямился, как будто перед ним вдруг выросла не старая женщина в простом платье, а что-то большое и давно ожидаемое.

— Тарра горт Аэнтальская? — спросил он, и в его глубоком голосе послышалась осторожность, почти робость.

— Да, — ответила она, и голос её был ровным, но я заметила, как она чуть повела плечом, как будто это имя было одеждой, которая стала ей тесна.

— Я читал ваши работы, — сказал он, и в его голосе было что-то похожее на благоговение. — Все. Вы — легенда в мире учёных.

Я видела, как Тарра усмехнулась — коротко, безрадостно, — и в этой усмешке было столько усталости, что у меня защемило сердце.

— Я была легендой, — ответила Тарра. — Теперь я просто старая женщина, которая ищет место, где можно закончить свои дни в покое.

— Но вы здесь, — сказал Маэлор, и в его голосе было не просто уважение, а что-то похожее на изумление, почти на упрёк. — И вы перевели это. — Он указал на арку, и его тонкая рука на мгновение задержалась в воздухе. — Вы нашли портал.

— Мы нашли, — поправила она, и в её голосе прозвучала твёрдость, от которой Маэлор чуть склонил голову. — Все вместе.

Маэлор кивнул, но я видела, что он не поверил. Для него Тарра была не просто переводчицей. Она была той, кто открыл путь. И он смотрел на неё так, как смотрят на учителя, — и в этом взгляде было столько тихого восторга, что Тарра, кажется, почувствовала себя неловко и отвернулась к реке.

Эстарх и Аэдриэль присоединились к ним к вечеру. Они принесли книги — те самые, из сундука, — и разложили их на столе у реки, и тяжёлые переплёты глухо стукнули о доски. Маэлор склонился над ними, и я видела, как его пальцы — длинные, тонкие — скользят по страницам, как он читает быстро, но не торопясь, как его губы беззвучно шевелятся над древними строками. Иногда он останавливался, что-то шептал, кивал — и в эти мгновения его отстранённое лицо становилось почти жадным, как у человека, который наконец дорвался до того, о чём мечтал всю жизнь. Хельга подходила и заглядывала через его плечо, и её веснушчатое лицо было серьёзным, а пальцы так и тянулись к странице — потрогать, проверить. Тиэн стоял чуть поодаль, но я видела, что он слушает. Он всегда слушал. И когда ветер доносил до него обрывки фраз, он чуть склонял голову набок, и его бледное лицо делалось ещё более отрешённым, как будто он слышал не только слова, но и то, что за ними.

— Это не просто хроники, — сказал Маэлор, отрываясь от книги. Его голос звучал тихо, но в нём была такая сосредоточенная тяжесть, что все невольно повернулись к нему. — Это ключи. Каждая книга — это ключ к одной из кнопок. К одному из миров.

Он положил ладонь на раскрытую страницу, и я увидела, как его длинные пальцы чуть подрагивают — то ли от усталости, то ли от возбуждения, которое он старательно прятал за своей отстранённостью.

— Вы можете определить, какой мир за какой кнопкой? — спросил Эстарх, и в его голосе была та жадная, нетерпеливая нотка, которую я уже научилась узнавать.

— Не сразу, — ответил Маэлор, и его брови сошлись к переносице. — Но Тарра уже перевела часть. Она знает больше, чем я. Я только учусь.

Он сказал это просто, без всякого стеснения, и от этого признания его строгое лицо стало вдруг моложе и человечнее. Тарра чуть улыбнулась — редко, уголками губ, — и в этой улыбке была и теплота, и лёгкая горечь.

— Ты не ученик, — сказала она. — Ты — равный. Просто у тебя было меньше времени.

Маэлор посмотрел на неё, и я увидела, как его лицо — строгое, седое, усталое — чуть смягчилось. Вокруг его глаз собрались тонкие морщинки, и взгляд, обычно такой холодный и внимательный, на мгновение стал почти растерянным, как у человека, которому давно не говорили добрых слов. Он не сказал спасибо. Но я видела, что он запомнил. И я видела, как он после этого ещё крепче сжал посох, как будто ему нужно было за что-то держаться.

Хельга тем временем нашла общий язык с Иртасом. Она пришла в кузницу на второй день и долго смотрела, как он работает. Я стояла в дверях и видела, как она наблюдает за ним — не с праздным любопытством, а с тем цепким, оценивающим вниманием, с каким мастер

смотрит на другого мастера. Потом подошла, взяла в руки молоток, повертела, кивнула — и её веснушчатое лицо осветилось чем-то похожим на удовольствие.

— Хорошая работа, — сказала она. — Но можно лучше.

Иртас поднял бровь, и в его зелёных глазах мелькнуло что-то среднее между удивлением и усмешкой.

— Лучше?

— Да, — ответила она, и в её голосе не было ни капли сомнения. — Если ты добавишь в металл немного серебра, он станет прочнее. И легче. Я знаю рецепт. Хочешь, покажу?

Иртас посмотрел на неё. Потом на молоток. Потом снова на неё. Я видела, как он взвешивает — не обиду, нет, а что-то другое, более важное, — и как в его глазах загорается тот же огонёк, что и у неё.

— Покажи, — попросил он.

Они работали вместе до вечера. Я заходила в кузницу и видела, как они склонились над наковальней, и их руки — его большие, зелёные, и её маленькие, быстрые — двигаются вместе. Жар от горна ложился на их лица, и по вискам у обоих бежал пот, и Хельга что-то говорила, тыча пальцем в раскалённый металл, а Иртас кивал, и его обычно сумрачное лицо делалось спокойным и сосредоточенным. Я видела, как Хельга что-то говорит, и Иртас кивает. И я поняла, что это не просто обучение. Это обмен. Она даёт ему знания. Он даёт ей опыт. Они оба становятся умнее.

Тиэн держался в стороне. Он не разговаривал с Таррой, не читал книги, не подходил к арке. Он просто ходил. По двору, по берегу, по огороду. Я видела, как он останавливается у эртаная, смотрит на него, касается листьев — медленно, почти невесомо, как будто здоровается. Как он стоит у родника, опустив руку в воду, и вода обтекает его бледные пальцы, и он стоит так долго, что я начинала думать, не заснул ли он. Как он сидит на лавке у загона и смотрит на оркосов, и его острые глаза следят за ними без всякой цели — просто смотрят, просто впитывают. Он не говорил. Но я чувствовала, что он что-то ищет. Что-то, чего не могли дать книги. И это «что-то» тревожило меня — не пугало, нет, а задевало какую-то струну внутри, о которой я давно забыла.

На третий день я подошла к нему. Он стоял на берегу реки, глядя на воду, и его серая одежда почти сливалась с утренней дымкой над рекой. Я встала рядом, чувствуя, как от воды тянет холодом, и какое-то время мы молчали.

— Ты не разговариваешь, — сказала я наконец, и голос мой прозвучал тише, чем я ожидала.

— Я слушаю, — ответил он, не поворачивая головы.

— Что ты слушаешь?

Он помолчал. Потом посмотрел на меня. Его глаза были бледными, почти прозрачными, и в них было что-то, чего я не видела у других — не ум, не хитрость, а какая-то тихая, обнажённая внимательность, от которой мне стало не по себе и в то же время легко.

— Землю, — сказал он. — Она говорит. Не словами. Но говорит. Ты слышишь её?

Я замерла. И вдруг почувствовала, как под ногами у меня — не просто трава и песок, а что-то большое, тёплое, живое, что дышит и ждёт. Я всегда это чувствовала, но никогда не называла.

— Слышу, — ответила я, и голос у меня дрогнул.

Он кивнул, и в этом кивке была не снисходительность, а облегчение — как будто он боялся, что не поймут.

— Тогда ты понимаешь. Портал — это не просто дверь. Это часть земли. Он живой. И он ждёт.

— Ждёт чего? — спросила я, и у меня по спине пробежал холодок, хотя солнце уже пригревало.

— Того, кто сможет его открыть. Не силой. Не магией. А чем-то другим. Чем-то, что есть у тебя.

Я посмотрела на него. На юношу в сером, с острыми глазами и тихим голосом. И я поняла, что он видит меня. Не как Анну. Не как хозяйку. А как ту, кто чувствует землю. Ту, кто может открыть портал. И от этого понимания во мне поднялось что-то большое — страх пополам с гордостью, — и я вдруг почувствовала себя маленькой и огромной одновременно.

— Ты pomoжешь мне? — спросила я, и сама услышала, как жалобно и вместе с тем требовательно это прозвучало.

— Я уже помогаю, — ответил он. — Просто ты пока не знаешь.

Он улыбнулся — едва заметно, одними губами, — и пошёл обратно к дому. Я осталась стоять на берегу, глядя на реку. Вода текла спокойно, бесконечно, и в её блеске мне чудилось что-то, чего я раньше не замечала, — как будто река тоже слушала и тоже ждала.

Глава 2

Маги работали у арки уже неделю. Каждое утро они выходили к реке — Маэлор с посохом, Хельга с кольцами, Тиэн с пустыми руками и внимательными глазами. Они чертили схемы на земле, читали книги, которые принесли Эстарх и Аэдриэль, и разговаривали с Таррой на древнем языке, который я не понимала. Я приносила им воду и еду, и иногда садилась в стороне, слушая их голоса — низкий, рокочущий Маэлора, быстрый, отрывистый Хельги, тихий, почти неслышимый Тиэна. В эти минуты я чувствовала себя странно: не чужой, нет, — но маленькой, как ребёнок, который заглядывает в комнату, где взрослые решают что-то важное. И всё же я не уходила. Мне нужно было слышать эти голоса, нужно было чувствовать, что дело движется, что ожидание не напрасно.

На восьмой день они позвали меня. Я пришла к арке и увидела, что все трое стоят перед ней, и их лица — серьёзные, сосредоточенные. У Хельги на щеке темнела полоса сажи, и она даже не вытирала её. Маэлор стоял, опершись на посох, и его седые волосы растрепались от ветра, а глаза были усталыми, но ясными. Тиэн стоял чуть в стороне, и его бледное лицо было ещё бледнее обычного. Тарра была с ними. Ричард тоже. Я подошла и встала рядом с Гриссом, который пришёл со мной, и почувствовала, как его плечо напряглось — он тоже ждал.

— Мы закончили, — сказала Хельга, и в её голосе была усталость, смешанная с чем-то похожим на благоговение. — Мы изучили все семь кнопок. Каждая — это отдельный мир.

Она подошла к арке и провела пальцем по кнопкам — сверху вниз. Её рука с кольцами двигалась медленно, почти торжественно, и я поймала себя на том, что затаила дыхание.

— Первая, — сказала она. — Та, что вы видели. Мёртвый мир. Серая земля, тёмное небо. Ни воды, ни жизни. Ничего.

Она перешла ко второй.

— Вторая — тоже мёртвый. Пустой. Камень и пыль. Третья — мёртвый. Четвёртая — мёртвый. Четыре из семи не дышат. Они были живыми когда-то. Но теперь — нет.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжимается. Четыре мёртвых мира. Четыре двери, которые ведут в никуда. И от этого холода в груди мне стало вдруг очень остро жаль — не себя, а тех, кто жил там когда-то, кто ходил по этой серой земле, кто, может быть, тоже стоял когда-то перед порталом и надеялся.

— А остальные? — спросила я, и голос у меня вышел хриплым.

Хельга перешла к пятой кнопке.

— Пятая — живая, — сказала она, и её голос чуть потеплел. — Я чувствую воду. Много воды. И воздух. И что-то ещё. Что-то, что двигается. Но я не знаю, что там. Не знаю, кто там.

Она перешла к шестой, и её пальцы задержались на камне чуть дольше.

— Шестая — тоже живая. Земля. Много земли. Леса, может быть. Или степи. Я чувствую корни. Глубокие. Старые.

И наконец — седьмая. Хельга остановилась перед ней и молчала так долго, что я услышала, как где-то вдалеке кричит птица и как вода шуршит по камням.

— Седьмая — живая. Но она... другая. Я не могу понять, что там. Что-то есть. Но оно не похоже на то, что я знаю. Не вода, не земля, не воздух. Что-то другое.

Она замолчала, и её рука медленно опустилась. Маэлор подошёл и встал рядом с ней, и я увидела, как он положил ладонь на арку — не для того, чтобы что-то сделать, а как будто искал опоры.

— Итак, — сказал он, и его голос был глубоким, как гул земли. — Три мира живы. Пятый, шестой и седьмой. Но мы не знаем, кто там живёт. И не знаем, опасно ли это.

Он произнёс это ровно, без страха, но я услышала в его голосе ту осторожную тяжесть, с какой люди говорят о вещах, которые могут обернуться бедой.

— Мы не можем просто открыть дверь и войти, — сказала Тарра, и её голос прозвучал твёрдо, почти резко. — Это может быть ловушка. Может быть, там ждут враги. Может быть, там вообще никого нет — только звери, или растения, или что-то, чего мы не можем понять.

Она сказала это и чуть подалась вперёд, как будто хотела заслонить собой арку, и я увидела, как её тонкие пальцы сжались в кулак.

— Но мы должны узнать, — сказал Эстарх, подходя. Его лицо горело нетерпением, и он говорил быстро, как человек, который боится, что его перебьют. — Если там есть жизнь, если там есть разумные существа, мы можем связаться с ними. Мы можем найти союзников. Или, по крайней мере, понять, что нас ждёт.

— Как? — спросила я, и мой голос прозвучал громче, чем я хотела, и все обернулись ко мне. — Как связаться, если мы не можем войти?

Маэлор посмотрел на арку. Потом на Тиэна. В его взгляде было что-то похожее на надежду и на сомнение одновременно, и он медлил, прежде чем заговорить.

— Тиэн, — позвал он. — Ты чувствуешь больше, чем мы. Что ты видишь?

Тиэн подошёл к арке. Он не касался её. Просто стоял и смотрел. Его бледные глаза двигались от кнопки к кнопке, и я видела, как его лицо — обычно спокойное — становится напряжённым. На лбу у него выступила тонкая морщинка, и губы сжались, и он весь подался вперёд, как будто прислушивался к чему-то очень далёкому.

— Пятый мир, — сказал он тихо. — Там есть вода. И есть кто-то. Я чувствую движение. Медленное. Большое. Оно не злое. Но оно не похоже на нас.

Он замолчал, и я почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок — не от страха, а от странного, острого любопытства.

— Шестой? — спросил Маэлор, и его голос был тихим, почти бережным.

— Шестой — там земля. И корни. И кто-то маленький. Много. Они прячутся. Они боятся. Но они не опасны.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, — и тут же устыдилась этого. Кто-то маленький. Кто-то, кто прячется и боится. Мне вдруг стало их жалко, и захотелось сказать что-нибудь доброе, хотя я знала, что они меня не слышат.

— А седьмой?

Тиэн замолчал. Он стоял долго, глядя на седьмую кнопку, и его лицо делалось всё более отрешённым, как будто он уходил куда-то далеко-далеко, куда не было доступа никому из нас. Потом медленно отступил на шаг. Я увидела, как его руки чуть дрогнули, и как он судорожно вздохнул, и как в его бледных глазах мелькнуло что-то, чего я не могла назвать, — не страх, а скорее растерянность, почти беспомощность.

— Седьмой — я не знаю, — сказал он, и его голос был таким тихим, что нам пришлось придвинуться ближе. — Там что-то есть. Но оно... смотрит. Оно знает, что мы здесь. Оно ждёт.

Он сказал это, и мне показалось, что воздух вокруг арки стал тяжелее. Я почувствовала, как у меня по коже поползли мурашки, и как Грисс рядом со мной едва слышно выдохнул.

— Ждёт чего? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

— Чтобы мы открыли, — ответил Тиэн. — Или чтобы мы не открывали. Я не знаю.

Он сказал это с такой беспомощностью, что мне стало его жаль. Я привыкла видеть его спокойным, отрешённым, знающим больше нас, — а сейчас он стоял, бледный, растерянный, и его острые глаза были полны сомнения. Мы стояли молча. Ветер шевелил траву, и река текла рядом — спокойно, бесконечно. Я смотрела на арку и думала о том, что мы нашли. Семь дверей. Четыре мертвы. Три живы. И одна из них — седьмая — смотрит на нас. От этой мысли у меня внутри всё сжалось, и я поймала себя на том, что невольно отступила на полшага, как будто арка могла протянуть ко мне руку.

— Мы не будем открывать седьмую, — сказала я, и мой голос неожиданно окреп. — Пока не поймём, что там.

— Согласен, — сказал Ричард, и в его голосе была такая твёрдость, что я почувствовала, как у меня чуть отпустило в груди. — Слишком рискованно.

— Тогда пятая и шестая, — сказала Хельга, и её веснушчатое лицо осветилось осторожным воодушевлением. — Мы можем попробовать связаться. Не открывать дверь полностью. Только приоткрыть. Посмотреть. Услышать. Может быть, они нас тоже услышат.

— Как? — спросила я, и в моём голосе прозвучало недоверие, которое я даже не пыталась скрыть.

— Через воду, — сказала она, и её рука с кольцами указала на реку. — Портал связан с рекой. Мы можем использовать воду как проводник. Послать сигнал. Или просто... послушать.

— И это безопасно? — спросил Грисс, и я услышала, как он напрягся, как его голос стал низким и настороженным.

— Не знаю, — ответила Хельга честно, и в её глазах не было ни капли притворства. — Но мы будем осторожны. Мы не откроем дверь. Только приоткроем окно. И если что-то пойдёт не так — закроем.

Я посмотрела на Ричарда. Он кивнул, и его взгляд был спокойным и твёрдым. Я посмотрела на Тарру. Она кивнула, и в её усталых глазах мелькнула тень прежнего огня. Я посмотрела на своих людей — на Грисса, на АриССу, на Миранеля, на Келла, на ИССу, на Эстарха, на Аэдриэля. Все смотрели на меня. И я знала, что они со мной.

— Хорошо, — решила я, и мой голос прозвучал твёрдо, хотя внутри у меня всё дрожало. — Попробуем. Пятый мир. Через воду.

Маги склонились над аркой, и их тени легли на камень. Тиэн подошёл к реке и опустил руку в воду. Я видела, как он стоит — бледный, тихий, — и как вода вокруг его пальцев начинает светиться. Слабо, робко, но настоящим светом — не отблеском солнца, а чем-то своим, живым, что шло из глубины. Свет расходился кругами, и я почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

— Я слушаю, — сказал он тихо. — И я слышу.

Тиэн стоял у воды, и его рука, опущенная в реку, светила. Свет расходился кругами, и я видела, как по поверхности воды пробегает рябь — не от ветра, а от чего-то другого. Он молчал долго. Мы все стояли на берегу и ждали. Я слышала, как Хельга что-то шепчет себе под нос — быстро, отрывисто, как будто уговаривает кого-то, — как Маэлор опирается на посох, и как его длинные пальцы побелели на чёрном дереве, как Тарра затаила дыхание и чуть подалась вперёд всем телом. Грисс стоял рядом со мной, и его плечо было тёплым и твёрдым, и я невольно придвинулась ближе, чувствуя, как от него идёт спокойная, надёжная сила.

Потом Тиэн открыл глаза. Они были бледными, почти прозрачными, и в них было что-то, чего я не видела раньше, — не удивление, не страх. Что-то похожее на контакт. Как будто он смотрел не на нас, а сквозь нас, куда-то очень далеко.

— Там есть жизнь, — сказал он тихо. — Много. Вода — везде. И в воде — они. Я чувствую их. Они чувствуют меня.

— Кто они? — спросила я, и мой голос прозвучал громче, чем я хотела.

Тиэн помолчал, вслушиваясь. Его бледные губы чуть шевелились, как будто он повторял про себя чужие слова. Потом сказал:

— Русалки. И водяные. Они живут в воде, в глубине. Они не злые. Они... любопытные. Они знают, что мы здесь. Они ждали, когда мы откроем дверь.

Я почувствовала, как у меня внутри что-то ёкнуло — не страх, а странное, острое любопытство. Русалки. Водяные. Существа из старых сказок, которые мне рассказывали в детстве. И они там, за дверью, — живые, настоящие, ждут.

— А кто ещё? — спросил Эстарх, подходя ближе, и его лицо горело нетерпением. — Ты чувствуешь кого-то ещё?

Тиэн снова закрыл глаза. Я видела, как его лицо напрягается, как он вслушивается в то, что недоступно нам, и как на его бледном лбу проступает тонкая жилка.

— Что-то большое, — сказал он наконец, и его голос был медленным, как будто слова давались ему с трудом. — Очень большое. Оно движется медленно. Оно не думает. Не чувствует. Оно просто есть. Как камень. Как гора. Но оно живое. Оно не злое. Оно... нейтральное. Оно не будет нам мешать.

Я попыталась представить это — что-то огромное, медленное, безмысленное, что лежит где-то в глубине и просто существует. И от этого образа мне стало и жутко, и спокойно одновременно.

— Кракен, — сказала Тарра, и её голос был тихим, но отчётливым. — Я читала о нём. В древних книгах. Это существо живёт в пятом мире. Оно огромное. Оно не разумно, но и не опасно. Оно просто существует. Оно часть этого мира.

Она произнесла это так буднично, как будто речь шла о старой мельнице за околицей, и я невольно усмехнулась про себя — вот она, Тарра, ничего не боится, всё уже прочитала, всё знает.

— И русалки? — спросила я. — Они разумны?

— Да, — ответила Тарра, и в её голосе появилась теплота. — Русалки и водяные — разумные расы. Они жили в пятом мире испокон веков. Они умеют торговать. Они умеют говорить. Они умеют дружить.

Я почувствовала, как внутри меня что-то отпускает. Русалки. Водяные. Не враги. Не чудовища. Просто другие. Такие же, как мы. Такие же, как эльфы, гномы, орки, вампиры, горгульи. Просто другие. И от этого понимания у меня на душе стало светлее, как будто кто-то раздвинул тяжёлые тучи и выпустил солнце.

— Они хотят торговать? — спросила Хельга, и в её голосе послышался деловой интерес. Я увидела, как её пальцы с кольцами чуть шевельнулись, как будто уже перебирали невидимые товары.

— Да, — ответил Тиэн. — Они хотят торговать. Они хотят знать, кто мы. Они хотят видеть, что мы можем предложить. Они... рады. Они давно не видели никого из других миров.

Он сказал «рады», и в его голосе прозвучала тихая, удивлённая нотка — как будто он сам не ожидал такого. Я посмотрела на Ричарда. Он смотрел на арку, и его лицо было задумчивым. Я видела, как он медленно, едва заметно, провёл рукой по подбородку, и как в его глазах зажглось что-то — не жадность, нет, а тот спокойный, расчётливый интерес, с которым он смотрел на карту, когда речь шла о чём-то важном.

— Торговля с другим миром, — сообщил он медленно, и в его голосе была такая тяжесть, что все невольно притихли. — Это... это больше, чем мы ожидали. Это может изменить всё. Для империи. Для Пустых земель. Для всех.

Он произнёс это, и я увидела, как его глаза расширились — не от жадности, а от масштаба того, что открывалось. Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось и поднялось одновременно, и я вдруг остро осознала, что стою на пороге чего-то огромного, чего не могу объять.

— Но это может быть опасно, — сказала Арисса, и её голос был твёрдым, почти резким. Она стояла, скрестив руки, и её тёмные глаза смотрели на арку с недоверием. — Мы не знаем их обычаев. Не знаем их языка. Не знаем, что они хотят на самом деле.

— Тиэн может говорить с ними, — заметила Тарра, и в её голосе была спокойная уверенность. — Он чувствует их. Он может быть посредником.

— Я могу, — сказал Тиэн, и его тихий голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Но не сейчас. Мне нужно время. Нужно понять их язык. Их мысли. Их желания.

Он сказал это, и я увидела, как его бледное лицо чуть порозовело — от усилия, от ответственности, которая на него ложилась.

— Сколько времени? — спросила я, и мой голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

— Неделя, — ответил он. — Может, две. Я буду слушать. Каждый день. У воды. И когда я пойму их достаточно — мы сможем открыть дверь. Не полностью. Только приоткрыть. Чтобы они увидели нас. А мы — их.

Я кивнула. Внутри меня было тихо. Не пусто — именно тихо. Я думала о том, что мы нашли. Портал. Семь миров. Четыре мёртвых. Три живых. И в одном из них — русалки и водяные, которые хотят торговать. Которые рады нам. Которые ждали. И от этого знания во мне росло что-то большое и тёплое, и вместе с ним — тихая, щемящая тревога: а вдруг мы не оправдаем их ожиданий?

— Хорошо, — сказала я. — Тиэн будет слушать. Мы будем ждать. А потом — решим.

Я посмотрела на реку. Вода блестела в лунном свете, и я слышала, как она течёт — ровно, спокойно, бесконечно. Где-то там, за гранью миров, в пятом мире, жили русалки и водяные. Они ждали. Они хотели торговать. И я знала, что мы найдём с ними общий язык. От этой уверенности у меня внутри разлилось тепло, и я почувствовала, как уголки моих губ сами собой приподнялись.

Это случилось на третий день после того, как Тиэн начал слушать пятый мир. Мы сидели у арки — маги, Тарра, Ричард, я и Грисс. Тиэн стоял у воды, как обычно, с опущенной рукой, и его лицо было спокойным, отрешённым. Он слушал. Я уже начала привыкать к этому — к его молчанию, к его светящейся руке, к тому, как вода вокруг его пальцев идёт кругами. И всё же каждый раз, когда он стоял так, я ловила себя на том, что затаиваю дыхание и жду — как будто вот-вот должно было случиться что-то, чего я не могла предугадать.

А потом что-то изменилось. Тиэн вздрогнул — резко, всем телом, — и открыл глаза. Они были широкими, бледными, и в них было что-то, чего я не видела раньше. Не удивление. Не страх. Что-то похожее на шок. Я почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок, и как Грисс рядом со мной напрягся, как тетива.

— Тиэн? — Маэлор шагнул к нему, и его посох стукнул о землю. — Что случилось?

Тиэн не ответил сразу. Он смотрел на арку — не на пятую кнопку, а на седьмую. Ту, которую мы решили не открывать. Ту, которая, по его словам, «смотрела» на нас. И от этого взгляда у меня внутри всё оборвалось.

— Они постучали, — сказал он тихо, и его голос дрогнул. — Седьмой мир. Они постучали сами.

Мы все замерли. Ричард подошёл ближе, и его рука легла на эфес меча — не угрожающе, а рефлекторно. Я увидела, как побелели его костяшки, и как он медленно, глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

— Кто? — спросил он, и его голос был ровным, но в нём звенела натянутая струна.

Тиэн посмотрел на него. Потом на меня. Потом снова на арку. Его бледное лицо было растерянным, почти беспомощным, и я вдруг поняла, что он сам не ожидал этого — что он привык быть тем, кто слушает, кто знает больше других, а сейчас оказался застигнут врасплох.

— Наги, — ответил он. — Полулюди-полузмеи. Они живут в седьмом мире. Они... они высокоразвитые. Они говорят. Они думают. Они хотят говорить с нами.

— Они постучали? — переспросила я, и мой голос прозвучал недоверчиво. — Как?

— Через портал, — ответил Тиэн. — Они чувствуют его так же, как я. Они знают, что мы здесь. Они ждали. Они... они рады.

— Рады? — Хельга подошла и встала рядом с Маэлором, и её веснушчатое лицо было настороженным. — Чему рады?

Тиэн помолчал. Потом произнес:

— Они говорят, что сотрудничество между нашими мирами было прервано очень давно. Очень. Сотни лет. Может, тысячи. Они ждали случая всё вернуть. Они хотят возобновить связь. Они хотят торговать. Они хотят говорить.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжимается. Седьмой мир. Тот, который «смотрел». Тот, который ждал. Тот, который мы решили не открывать. И он постучал сам. От этой мысли у меня по коже поползли мурашки, и я поймала себя на том, что смотрю на седьмую кнопку и не могу отвести взгляд — как будто она и вправду смотрела на меня в ответ.

— Это опасно? — спросила я, и мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

Тиэн посмотрел на меня, и в его бледных глазах было что-то, чего я не могла понять.

— Я не знаю, — сказал он честно, и в этом признании было больше мужества, чем в иных клятвах. — Они... они не злые. Я не чувствую зла. Но они... другие. Очень другие. Они думают иначе. Они видят иначе. Они... они как аристократы. Как герцог Ричард. Они вежливы. Они умны. Они хотят говорить.

Ричард чуть улыбнулся — уголком губ, — и в этой улыбке была и усмешка, и что-то похожее на уважение.

— Как аристократы, — повторил он. — Это может быть и хорошо, и плохо. Смотря чего они хотят.

— Они хотят сотрудничества, — сказал Тиэн. — Они говорят, что их мир и наш были связаны. Давно. Они торговали. Они обменивались знаниями. Они... они были друзьями. А потом связь прервалась. Врата закрылись. И они остались одни.

Он произнёс «остались одни», и в его голосе прозвучала такая тихая, неожиданная печаль, что я почувствовала, как у меня защемило в груди. Я представила их — полулюдей-полузмеев, вежливых и умных, — которые ждали сотни лет, может, тысячи, в своём мире, в одиночестве, у закрытых врат.

— Почему прервалась? — спросила Тарра, и её голос был острым, как нож. Она подалась вперёд, и её усталые глаза загорелись тем холодным огнём, который я видела у неё, когда она добиралась до сути.

Тиэн снова помолчал, вслушиваясь. Его бледные губы чуть шевелились, и я видела, как на его виске бьётся жилка.

— Они не говорят, — сказал он. — Или не хотят говорить. Они говорят только, что ждали. Что надеялись. Что теперь, когда врата снова открываются, они хотят вернуть то, что было.

Я посмотрела на арку. На седьмую кнопку. Она всё ещё была тёмной, но теперь я видела, что по её краю пробегают слабые искры — как будто кто-то стучит с той стороны. Тихо. Настойчиво. Терпеливо. И от этого зрелища у меня внутри поднялось что-то странное — не страх, а острое, почти болезненное сочувствие, смешанное с настороженностью.

— Мы не будем открывать, — решила я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала. — Пока не поймём больше.

— Согласен, — кивнул Ричард, и его рука на эфесе чуть расслабилась. — Но мы должны ответить. Если они постучали, они знают, что мы здесь. Если мы не ответим, они могут подумать, что мы враждебны.

— Или что мы слабы, — добавила Хельга, и её веснушчатое лицо было серьёзным. — Или что мы боимся.

— Что мы можем сделать? — спросила я, и в моём голосе прозвучала беспомощность, которую я не стала прятать. — Как ответить, не открывая дверь?

Тиэн подошёл к арке. Он не касался её. Просто стоял и смотрел на седьмую кнопку. Потом поднял руку и положил ладонь на камень рядом с ней. Я увидела, как по его пальцам пробегает свет — серебристый, как звёзды. И искры с той стороны — тёмные, быстрые — ответили. Они коснулись его света и на мгновение вспыхнули. Я ахнула — тихо, невольно, — и почувствовала, как у меня по спине пробежал холодок восторга и тревоги.

— Они услышали, — сказал Тиэн, и в его голосе была тихая, почти благоговейная нотка. — Они знают, что мы здесь. Они ждут. Они терпеливы. Они умеют ждать.

— Что они сказали? — спросила я, и моё сердце застучало быстрее.

Тиэн опустил руку. Он повернулся ко мне, и его лицо было задумчивым — не испуганным, не растерянным, а именно задумчивым, как у человека, который только что услышал что-то важное и теперь взвешивает это в уме.

— Они сказали: «Мы рады. Мы ждали. Когда вы будете готовы — мы будем здесь».

Он произнёс это ровно, почти буднично, но я почувствовала, как от этих слов у меня по коже пробежал холодок. «Когда вы будете готовы — мы будем здесь». В этом было столько спокойного, нерушимого терпения, что мне стало и тепло, и жутко одновременно. Я посмотрела на арку. На семь кнопок. На четыре мёртвых мира. На пятый — с русалками и водяными. На шестой — с кем-то маленьким и боязливым. И на седьмой — с нагами, которые ждали тысячи лет. И от этого взгляда на все семь дверей сразу у меня внутри поднялось что-то большое, почти неподъёмное — сознание того, какая ответственность легла на нас, и вместе с тем странное, тихое спокойствие.

— Мы вернёмся, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрдо, хотя внутри у меня всё ещё дрожало. — Все вместе. Когда будем готовы.

Тиэн кивнул, и в его бледных глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность — или, может быть, на облегчение.

— Ты права, — сказал он. — Не сейчас. Но скоро.

Глава 3

Ричард остался в Пустых землях дольше, чем планировал. Сначала он говорил, что ждёт, пока маги закончат с аркой. Потом — что хочет увидеть, как откроется пятый мир. Потом перестал объяснять. Просто остался. Я замечала это по мелочам. По тому, как он выходит утром на крыльцо с кружкой чая и стоит, глядя на реку, и пар от чая поднимается в холодном воздухе, а он не замечает, что чай остыл. По тому, как он садится в беседке с книгой, но не читает, а смотрит на воду, и страница остаётся открытой на одном и том же месте. По тому, как он ищет меня глазами, когда приходит в дом, — и как его лицо на мгновение светлеет, когда находит.

Сначала я не придавала этому значения. Ричард был герцогом, драконом, советником императора. Он был из другого мира — не в прямом смысле, но по положению, по опыту, по тем векам, которые он прожил. Я была попаданкой без титула, без родословной, без магии. Просто женщина, которая научилась слушать землю. Но чем больше времени мы проводили рядом, тем меньше это имело значения. И от этого понимания во мне что-то росло — тихо, исподволь, как трава сквозь камни.

Мы часто оказывались вдвоём. Утром — у родника, когда я набирала воду, а он приходил умыться, и вода стекала с его пальцев, и он смотрел на меня поверх ведра, и мы говорили о пустяках, но эти пустяки почему-то запоминались надолго. Днём — в беседке, когда все расходились по делам, а мы оставались вдвоём, и он рассказывал мне о городах, которых я никогда не видела, а я — о том, как прорастает эртанай и почему оркосы любят определённую траву. Вечером — на берегу реки, когда маги заканчивали работу, и мы шли вдоль воды, не говоря ни слова, просто слушая, как течёт река, и я чувствовала, как между нами натягивается что-то тонкое, тёплое, чего я боялась коснуться.

Однажды вечером мы сидели на лавке у реки. Солнце уже село, и небо было сиреневым, с первыми звёздами. Я смотрела на воду, а Ричард — на меня. Я чувствовала его взгляд, но не поворачивалась. Мне было спокойно. Не неловко, не тревожно. Просто спокойно. И всё же где-то глубоко внутри у меня билась тонкая, тревожная жилка — как будто я стояла на пороге комнаты, куда давно не заходила.

— Ты знаешь, — сказал он тихо, — я живу очень долго. Я видел империи, которые поднимались и падали. Я видел, как умирают и рождаются боги. Я думал, что меня уже ничем не удивить.

— И? — спросила я, не оборачиваясь, и мой голос прозвучал почти безразлично, хотя сердце у меня уже стучало громче.

— И я ошибался, — сказал он. — Ты удивляешь меня каждый день.

Я повернулась. Его янтарные глаза смотрели на меня, и в них было что-то, чего я не видела раньше. Не жалость. Не снисхождение. Просто... тепло. И от этого тепла у меня внутри всё сжалось и задрожало, и я почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Я не герой, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Я просто женщина, которая хочет, чтобы у её людей был дом.

— Вот именно, — ответил он, и его голос был мягким, но в нём была такая уверенность, что я невольно подняла на него глаза. — Герои хотят славы. Ты хочешь дома. Для всех. И земля отвечает тебе. Потому что ты не требуешь. Ты просишь. И ты благодарна.

Он замолчал. Потом медленно, осторожно, как будто боясь спугнуть, взял мою руку. Его ладонь была тёплой — не горячей, как у дракона, а именно тёплой, живой. Я не отняла руку. Мы сидели так долго, глядя на реку, и я чувствовала, как что-то внутри меня — что-то, что я давно закрыла, — начинает оттаивать. И вместе с этим оттаиванием приходил страх — тихий,

липкий, — потому что я знала, что теперь, когда я это почувствовала, вернуться назад будет уже нельзя.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала я наконец, и мой голос прозвучал тихо, почти потерянно. — С порталами. С империей. С мирами.

— И не надо знать, — ответил он, и в его голосе была такая спокойная, нерушимая уверенность, что я почувствовала, как у меня отпускает внутри. — Мы узнаем. Вместе.

Он не поцеловал меня. Не сказал красивых слов. Просто держал за руку, и этого было достаточно. Я знала, что это только начало. Но я также знала, что не хочу, чтобы это заканчивалось. И от этого знания у меня на душе было и светло, и тревожно — как перед долгой дорогой, когда не знаешь, что ждёт впереди, но точно знаешь, что не пойдёшь один.

Исса держалась в стороне от магов. Она не доверяла им — не потому, что они были плохими, а потому, что она привыкла не доверять никому, кроме своих. Я видела, как она стоит в стороне, скрестив руки, и её тёмные глаза следят за каждым их движением — настороженно, цепко, без улыбки. Но Тиэн был другим. Он не подходил к арке с посохом и книгами. Он не чертил схем. Он просто слушал. Как она.

Я заметила это на третий день. Исса стояла у загона, глядя на закат, и её силуэт чётко вырисовывался на фоне розового неба, и в её позе было что-то такое одинокое, что у меня защемило сердце. Тиэн подошёл и встал рядом. Он не сказал ни слова. Просто стоял. Исса покосилась на него, но не прогнала. Они стояли так долго — молча, глядя на небо, — и я, проходя мимо, поймала себя на том, что замедлила шаг и улыбнулась, сама не зная чему.

На следующий день я увидела их у родника. Тиэн сидел на камне, опустив руку в воду, и его пальцы светились. Исса стояла рядом и смотрела. Не на воду. На него. Её лицо было спокойным, но в глазах — я видела — было что-то новое, мягкое, чего я раньше не замечала.

— Ты чувствуешь то же, что и я, — сказал он, не поднимая головы. — Воду. Землю. То, что между ними.

— Да, — ответила Исса, и её голос прозвучал глухо, но без обычной резкости. — Я горгулья. Я чувствую камень. И воду. И ветер.

— Я человек, — сказал Тиэн. — Но я тоже чувствую. С детства. Меня считали странным. Говорили, что я не такой, как все.

— Меня тоже, — сказала Исса, и в её голосе была та редкая, тёплая нота, которую я слышала всего несколько раз. — Я горгулья. Я не такая, как все.

Тиэн поднял на неё глаза. Бледные, почти прозрачные. И улыбнулся — впервые за всё время. Не уголком губ. По-настоящему. И от этой улыбки его бледное лицо вдруг стало совсем юным, почти мальчишеским.

— Может быть, поэтому мы и нашли друг друга, — сказал он. — Потому что мы оба не такие.

Исса не ответила. Но она не ушла. Она села рядом с ним на камень, и её рука — тёплая, живая в человеческом облике — коснулась его руки. Они сидели молча, глядя на воду, и я поняла, что это только начало. Для них тоже. И от этого понимания у меня внутри разлилось тихое, тёплое счастье — за них, за нас, за всех, кто нашёл друг друга в этих пустых, оживающих землях.

Глава 4

Мысль о мёртвых мирах пришла ко мне не сразу. Сначала я думала только о живых — о русалках и водяных в пятом, о маленьких боязливых существах в шестом, о нагах в седьмом, которые ждали тысячи лет. Но когда маги закончили описание всех семи кнопок, и мы сидели у арки, глядя на четыре тёмные, мёртвые кнопки, я вдруг поняла: это не конец. Это начало. И от этой мысли у меня внутри что-то встрепенулось — тихо, настойчиво, как росток, пробивающийся сквозь сухую корку земли.

— А что в мёртвых мирах? — спросила я, глядя на первую кнопку, и мой голос прозвучал громче, чем я ожидала. — Там точно нет жизни?

Маэлор покачал головой, и его седые волосы качнулись.

— Мы не знаем точно, — сказал он, и в его голосе была та осторожная честность, которую я уже научилась ценить. — Мёртвые — это значит, что мы не чувствуем там жизни. Ни воды, ни земли, ни воздуха. Но это не значит, что там ничего нет. Может быть, там остались ресурсы. Металлы. Камни. Что-то, что можно использовать.

— Или заселить, — сказала я, и сама удивилась, как твёрдо это прозвучало. — Если там не опасно.

Ричард посмотрел на меня. В его глазах было что-то — не удивление, а интерес. Я видела, как его брови чуть приподнялись, и как он весь подался вперёд, как будто услышал не просто слова, а что-то большее.

— Заселить, — повторил он, и в его голосе была та медлительная, взвешивающая интонация, с какой дракон, проживший века, обдумывает новую мысль. — Мёртвые миры. Ты думаешь, туда можно переселить людей?

— Почему нет? — ответила я, и во мне вдруг поднялась такая горячая, нетерпеливая волна, что я даже подалась вперёд. — Если там есть земля, если там есть воздух, если там не опасно — почему не попробовать? У нас есть люди, которым тесно. У империи есть люди, которым не хватает земли. Мёртвый мир — это не конец. Это возможность.

Ричард молчал. Я видела, как он думает. Как дракон, который прожил века, взвешивает каждое слово. Его янтарные глаза сузились, и на лбу залегла тонкая морщинка, и я чувствовала, как в тишине между нами натягивается что-то важное.

— Это... — начал он, но замолчал. Потом улыбнулся — коротко, но искренне, и от этой улыбки у меня внутри всё вспыхнуло. — Это не то, о чём я думал. Но это разумно. Император ищет новые земли. Новые ресурсы. Если мёртвые миры можно использовать — это изменит всё.

— Тогда напиши ему, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрдо, почти требовательно. — Пусть начнёт думать в эту сторону. Пусть пришлёт магов, которые смогут исследовать мёртвые миры. Пусть пришлёт материалы. Продукты. Мебель. Всё, что нужно, чтобы мы могли здесь жить и работать. И чтобы мы не думали уходить.

Я сказала это и почувствовала, как у меня внутри всё сжалось — а вдруг слишком много, вдруг слишком нагло, — но отступать было поздно. Ричард посмотрел на меня, и в его глазах было что-то — не насмешка, не снисхождение. Уважение. И от этого взгляда я вдруг почувствовала себя выше, чем была, и в то же время — странно уязвимой.

— Ты умеешь торговаться, — сказал он.

— Я умею строить, — ответила я, и моя улыбка вышла чуть дрожащей. — И я хочу, чтобы мы строили вместе.

Он кивнул. В тот же вечер он ушёл в башню и написал письмо императору. Я не видела, что он написал. Но я знала, что он передал мои слова. И я знала, что император ответит.

Ответ пришёл через три дня. Ричард вышел из башни с письмом в руках и подошёл ко мне. Его лицо было спокойным, но в глазах — я видела — горело что-то. Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось от ожидания, и как я невольно выпрямилась, вытирая руки о передник.

— Император согласен, — сказал он, и в его голосе была сдержанная, но отчётливая радость. — Он пришлёт магов для исследования мёртвых миров. И он пришлёт материалы. Продукты. Мебель. Всё, что ты просила. Он хочет, чтобы Пустые земли стали опорой империи. И он готов платить за это.

Я кивнула. И от этого кивка, от этого простого движения у меня внутри вдруг поднялось что-то такое большое, что я едва удержалась, чтобы не заплакать. Мы сделали это. Мы не просто нашли портал — мы нашли способ жить здесь, строить, расти. И от этого понимания у меня перехватило дыхание.

Тиэн слушал пятый мир каждый день. Он уходил к реке рано утром, когда вода была холодной и прозрачной, и возвращался к вечеру — усталый, но с новым светом в глазах. Я видела, как он садится на берегу, опускает руку в воду, и его пальцы начинают светиться. Свет расходился по воде кругами, и я знала: он говорит. Не словами — чем-то другим. Тем, что не требует языка. И от этого зрелища у меня внутри всегда становилось тихо и немного торжественно, как в храме.

На четвёртый день он позвал меня. Я пришла к реке, и он повернулся ко мне, и его бледное лицо было серьёзным, но в глазах светилось что-то похожее на гордость.

— Они хотят говорить, — сказал он. — Русалки. Водяные. Они хотят видеть тебя.

— Меня? — удивилась я, и голос у меня дрогнул. — Почему меня?

— Тебя, — ответил Тиэн, и в его голосе была та тихая уверенность, которую я уже привыкла слышать. — Ты — та, кто чувствует землю. Они знают это. Они чувствуют тебя так же, как я. Они хотят говорить с тобой. Не через меня. Напрямую.

Я посмотрела на воду. Река текла спокойно, и в её глубине я не видела ничего, кроме тёмной зелени и камней. Но я знала, что там, за гранью, есть другой мир. И в нём — русалки. И водяные. И они ждали. И от этой мысли у меня по спине пробежал холодок, и сердце застучало чаще — от страха и от чего-то ещё, острого, как любопытство.

— Что нужно делать? — спросила я, и мой голос прозвучал почти шёпотом.

— Просто подойти к воде, — сказал Тиэн. — Опустить руку. И слушать. Они будут говорить. Ты услышишь.

Я подошла к реке. Вода была холодной, и когда я опустила руку, по коже пробежала дрожь. Я закрыла глаза. Сначала я слышала только течение — ровное, спокойное. Потом — что-то ещё. Тихий голос. Не слова. Но я понимала его.

«Ты — та, кто вернул воду. Мы чувствуем тебя. Мы рады».

Я открыла глаза. Вода передо мной шла кругами, и в этих кругах я видела отражения — не свои, а чужие. Лица. Бледные, с длинными волосами, с глазами, как у рыб. Русалки. Они смотрели на меня. И улыбались. Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание, и как по спине пробежал холодок — но не от страха, а от чего-то большего, чему я не могла найти названия.

«Мы хотим торговать. Мы хотим говорить. Мы хотим дружить».

Я почувствовала, как внутри меня разливается что-то тёплое. Не страх. Не тревога. Что-то похожее на радость. И от этой радости у меня на глаза навернулись слёзы — не горькие, а светлые, которых я давно не плакала.

— Я тоже, — сказала я вслух, и мой голос прозвучал громко и ясно над водой. — Я тоже хочу.

Круги на воде задрожали, и я услышала — не ушами, а сердцем — тихий, мелодичный смех. Русалки смеялись. Не над мной. Вместе со мной. И от этого смеха у меня внутри всё расцвело, и я улыбнулась — широко, неловко, как девчонка.

Тиэн стоял рядом. Он не говорил. Но я видела, что он улыбается. И в его бледных глазах было что-то похожее на гордость — как у учителя, чей ученик только что справился с трудным уроком.

— Они приняли тебя, — сказал он тихо. — Теперь они будут говорить. Каждый день. Пока мы не будем готовы открыть дверь.

Я кивнула и вынула руку из воды. Она была холодной, но внутри меня было тепло. Я знала, что это только начало. Мы будем торговать с русалками. Мы будем учиться у них. Мы будем дружить. И от этого знания у меня на душе было легко и светло, как бывает только в детстве, когда впереди — целое лето.

Вечером я сидела в беседке у родника. Солнце уже село, и небо было сиреневым, с первыми звёздами. Я смотрела на воду, и в её глубине мне всё ещё чудились лица русалок. Я думала о них — об их голосах, об их смехе, о том, как они ждали. И я не заметила, как Ричард подошёл и сел рядом.

— Ты была у реки, — сказал он. Это был не вопрос. Его голос звучал ровно, но в нём была та внимательная нотка, которая говорила: он всё видел, всё заметил и просто ждал, когда я сама заговорю.

— Да, — ответила я, и голос мой прозвучал тихо. — Тиэн познакомил меня с русалками.

— И какие они?

— Любопытные. Дружелюбные. Хотят торговать.

Он кивнул. Мы помолчали, и в этой тишине я слышала, как где-то в траве стрекочет кузнечик, и как вода журчит в роднике, и как моё собственное сердце стучит громче, чем следовало бы. Потом он сказал:

— Ты изменилась.

Я повернулась к нему. Его янтарные глаза смотрели на меня, и в них было что-то, чего я не видела раньше. Не просто тепло. Что-то глубже. И от этого взгляда у меня внутри всё сжалось и задрожало.

— Как? — спросила я, и голос мой дрогнул.

— Ты была осторожной, — сказал он, и в его голосе не было ни упрёка, ни насмешки — только тихая, внимательная правда. — Когда я впервые приехал. Ты смотрела на меня и видела герцога. Советника. Дракона. А теперь...

— А теперь? — спросила я, и моё сердце застучало так громко, что я испугалась, что он услышит.

— Теперь ты видишь меня, — сказал он. — Просто меня.

Я не ответила. Я не знала, что сказать. Я просто смотрела на него — на его лицо, на его глаза, на его руки, которые лежали на коленях, — и я чувствовала, что он прав. Я больше не видела в нём герцога. Я видела мужчину. Того, кто остался. Того, кто ждал. Того, кто держал меня за руку. И от этого понимания во мне поднялось что-то такое большое и тёплое, что я едва могла дышать.

Он протянул руку и коснулся моей ладони. Его пальцы были тёплыми. Я не отняла руку. И в этом прикосновении было больше слов, чем в любом разговоре.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала я, и мой голос прозвучал почти потерянно. — С порталами. С русалками. С империей.

— И не надо знать, — ответил он, и его голос был спокойным и твёрдым, как земля под ногами. — Мы узнаем. Вместе.

Он не поцеловал меня. Не сказал красивых слов. Просто держал за руку, и этого было достаточно. И в этой тишине, в этом сиреневом небе, в этом тепле его ладони я вдруг почув-

ствовала, что все мои страхи — про порталы, про будущее, про то, что я не справлюсь, — стали меньше. Не исчезли. Но стали меньше. И этого было довольно.

Я видела их у реки. Исса стояла на берегу, глядя на воду, и её тёмный силуэт чётко вырисовывался на фоне вечернего неба. Тиэн сидел рядом на камне, опустив руку в реку. Его пальцы светились, и свет расходился по воде кругами. Исса не смотрела на воду. Она смотрела на него. Её лицо было спокойным, но в глазах — я видела — было что-то мягкое, почти робкое, чего я никогда не замечала у этой суровой горгульи.

— Ты чувствуешь то же, что и я, — сказал он, не поднимая головы. — Воду. Землю. То, что между ними.

— Да, — ответила Исса, и её голос прозвучал глухо, но без обычной резкости. — Я горгулья. Я чувствую камень. И воду. И ветер.

— Я человек, — сказал Тиэн. — Но я тоже чувствую. С детства. Меня считали странным.

— Меня тоже, — сказала Исса, и в её голосе была та редкая, тёплая нота, которую я слышала всего несколько раз.

Тиэн поднял на неё глаза. Бледные, почти прозрачные. И улыбнулся — впервые за всё время. Не уголком губ. По-настоящему. И от этой улыбки его бледное лицо вдруг стало совсем юным, почти мальчишеским, и я почувствовала, как у меня в груди что-то ёкнуло от нежности.

— Может быть, поэтому мы и нашли друг друга, — сказал он. — Потому что мы оба не такие.

Исса не ответила. Но она не ушла. Она села рядом с ним на камень, и её рука — тёплая, живая в человеческом облике — коснулась его руки. Они сидели молча, глядя на воду. И в этой тишине, в этом прикосновении, в этом общем молчании было больше, чем в любых словах.

Глава 5

Император ответил быстрее, чем мы ожидали. Через пять дней после того, как Ричард отправил письмо, воздух за калиткой задрожал, и арка портала разверзлась — широкая, устойчивая, с золотистым светом. Из неё вышли слуги с ящиками и мешками, мастера, которых мы уже знали, и ещё двое — высокие, бледные, в тёмных одеждах. Вампиры. Я поняла это сразу — по их движениям, по их лицам, по тому, как они смотрели на мир. Спокойно. Внимательно. Как те, кто видел слишком много, чтобы удивляться. И от этого их спокойствия мне стало и легче, и немного не по себе.

За ними вышел Ричард. Он подошёл ко мне и слегка склонил голову, и в его глазах было что-то тёплое, почти домашнее, отчего у меня внутри всё сразу успокоилось.

— Анна, — сказал он. — Император прислал всё, что ты просила. Продукты. Материалы. Мебель. И ещё — двух своих советников. Они — вампиры. Старые. Очень старые. Они знают о порталах больше, чем кто-либо в империи. Им поручено договориться с русалками и нагами.

Я посмотрела на двух вампиров. Первый был высоким, с длинными седыми волосами, заплетёнными в косу, и глазами цвета старого золота. Второй — чуть ниже, с короткими тёмными волосами и лицом, которое казалось высеченным из камня. Оба были одеты просто, но дорого. Оба смотрели на меня с тем же вниманием, с каким я когда-то смотрела на Ричарда. И от этого внимания я вдруг почувствовала себя не хозяйкой усадьбы, а кем-то другим — той, кого изучают, кого оценивают, и от этого у меня внутри поднялось что-то среднее между гордостью и неловкостью.

— Меня зовут Ваэлор, — сказал первый, и его голос был глубоким, как гул земли. — Это мой брат, Каэлор. Мы — советники императора. Мы знаем Эстарха. Он наш друг. Мы приехали, чтобы помочь.

Эстарх вышел из башни и подошёл к ним. Я видела, как его лицо — обычно спокойное — на мгновение изменилось. Не удивление. Радость. Настоящая, тёплая, какую я редко у него видела.

— Ваэлор, — сказал он, и голос его дрогнул. — Каэлор. Я не думал, что увижу вас.

— Мы тоже, — ответил Ваэлор, и в его глазах цвета старого золота мелькнуло что-то живое. — Но император сказал, что здесь происходит что-то важное. И мы пришли.

Они обнялись — коротко, по-мужски. Я видела, что между ними есть история. Долгая. Может быть, века. И от этого объятия, от этой встречи старых друзей у меня на душе стало тепло и немного грустно — как всегда бывает, когда видишь чужую давнюю привязанность.

Я провела их в дом и накормила. За столом Ваэлор и Каэлор расспрашивали Эстарха о портале, о книгах, о русалках и нагах. Они слушали внимательно, не перебивая. Иногда переглядывались. Иногда кивали. Я видела, что они не просто советники. Они — учёные. Такие же, как Эстарх и Аэдриэль. Такие же, как Тарра. И от этого понимания мне стало спокойнее: значит, не мы одни будем нести эту ношу.

— Мы построим для них башню, — сказал Ричард, когда мы вышли во двор. — Такую же, как у Эстарха и Аэдриэля. Рядом. Чтобы они могли работать вместе.

— Ещё одну башню? — спросила я, и в моём голосе прозвучало не удивление, а скорее тихая растерянность перед тем, как всё быстро меняется.

— Да, — ответил он. — Магическую. Они привезли материалы. И они умеют строить быстро.

Башню поставили за три дня. Я видела, как Ваэлор и Каэлор работают вместе с мастерами. Они не использовали молотки и гвозди. Они использовали магию — камни соединялись сами, доски ложились на место, крыша поднималась в воздух и опускалась на стены. Я стояла и смотрела, и внутри меня было что-то — не страх, не удивление. Просто тихое восхищение. Я

чувствовала себя ребёнком, который впервые видит, как из ничего рождается что-то большое и прочное.

Башня получилась красивой. Стройной, с узкими окнами, с покатой крышей. Она стояла рядом с башней Эстарха, и я видела, как из обеих башен по вечерам льётся свет — тёплый, золотой. В одной работали Эстарх и Аэдриэль. В другой — Ваэлор и Каэлор. И Тарра ходила между ними, как мост между мирами. Я смотрела на неё и думала: вот она, старая женщина, которая хотела покоя, а стала связующей нитью для всех нас.

Ваэлор и Каэлор начали с пятого мира. Они спустились к реке вместе с Тиэном, и я видела, как они стоят у воды — бледные, тихие, — и слушают. Тиэн опустил руку в реку, и его пальцы светились. Ваэлор и Каэлор стояли рядом, и я видела, как их глаза — золотые и серые — смотрят в воду, и как вода отвечает им. От этого зрелища у меня внутри всё замирало — три неподвижные фигуры у воды, и свет, и тишина, и что-то древнее, что было старше нас всех.

— Они говорят, — сказал Ваэлор, отрываясь от воды, и его глубокий голос прозвучал почти буднично. — Русалки. Они хотят торговать. Они хотят обмениваться знаниями. Они хотят дружить.

— Что они предлагают? — спросила я, и мой голос прозвучал нетерпеливо, почти жадно.

— Жемчуг, — ответил Каэлор, и его лицо, высеченное из камня, чуть смягчилось. — Кораллы. Травы, которые растут только под водой. И знания. Они знают о вратах больше, чем мы. Они жили здесь, когда врата ещё были открыты.

— А что они хотят? — спросила я.

— Металл, — сказал Ваэлор. — Железо. Медь. Они не умеют плавить металл под водой. Но им нужны инструменты. И оружие. И украшения.

— Мы можем дать им это, — сказала я, и во мне вдруг поднялась такая уверенность, что я даже удивилась. — У нас есть кузница. У нас есть Ирмас. У нас есть металл.

Ваэлор кивнул, и в его глазах цвета старого золота мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Тогда мы договоримся, — сказал он. — Мы будем говорить с ними каждый день. Пока не составим договор. Пока не откроем дверь.

С седьмым миром было сложнее. Наги не говорили через воду. Они стучали. Настойчиво. Терпеливо. Я видела, как Ваэлор и Каэлор стоят у арки, глядя на седьмую кнопку, и как их лица — бледные, спокойные — становятся напряжёнными.

— Они не хотят говорить через воду, — сказал Каэлор, и его голос, обычно ровный, сейчас звучал глухо. — Они хотят говорить напрямую. Они хотят видеть нас. Они хотят, чтобы мы открыли дверь.

— Это опасно? — спросила я, и у меня внутри всё сжалось.

— Не знаю, — ответил он, и в его серых глазах не было ни притворства, ни уверенности. — Они... другие. Очень другие. Они думают иначе. Они видят иначе. Как мы. Но они не люди. И не вампиры. И не эльфы. Они — наги.

Он произнёс это, и я почувствовала, как по спине у меня пробежал холодок. Наги. Полулюди-полузмеи. Существа, которые ждали тысячи лет, которые стучали в дверь терпеливо и настойчиво, которые хотели видеть нас. И от этой мысли мне стало и любопытно, и жутко.

— Они ждали тысячи лет, — сказала Тарра, подходя, и её голос был тихим, но твёрдым. — Они не будут ждать вечно. Мы должны ответить.

— Мы ответим, — сказал Ваэлор, и в его голосе была та спокойная, нерушимая уверенность, которая, казалось, могла удержать на месте горы. — Но не сейчас. Сначала — русалки. Потом — наги. Мы не можем открыть две двери одновременно.

Вечером я сидела в беседке у родника. Солнце уже село, и небо было сиреневым, с первыми звёздами. Я смотрела на воду и думала о русалках. Об их голосах. Об их смехе. О том,

как они ждали. Ричард подошёл и сел рядом. Он не сказал ни слова. Просто взял мою руку. И от этого простого прикосновения у меня внутри всё сразу стихло.

— Ты устала, — сказал он, и в его голосе не было вопроса.

— Да, — ответила я. — Но это хорошая усталость.

— Ты сделала много, — сказал он, и его голос был тихим, почти благоговейным. — Ты вернула землю к жизни. Ты нашла портал. Ты нашла русалок и нагов. Ты дала дом людям. Ты...

Он замолчал. Я повернулась к нему. Его янтарные глаза смотрели на меня, и в них было что-то такое глубокое, что у меня перехватило дыхание.

— Что? — спросила я, и голос мой дрогнул.

— Ты дала дом мне, — сказал он. — Я жил века. Я видел империи. Я видел богов. Но я никогда не видел того, что ты создала здесь. Это... это не просто дома. Это не просто земля. Это место, где хочется остаться.

Я не ответила. Я просто смотрела на него. И чувствовала, как что-то внутри меня — что-то, что я давно закрыла, — начинает оттаивать. И вместе с этим оттаиванием приходило что-то ещё — тихое, робкое, почти детское чувство, что вот оно, то самое, чего я ждала всю жизнь, сама того не зная.

Он наклонился и поцеловал меня. Медленно. Осторожно. Как будто боялся спугнуть. Я не отстранилась. Я закрыла глаза и позволила себе почувствовать. Его губы были тёплыми. Его рука держала мою. И в этот момент я поняла, что это не конец. Это начало. Начало чего-то нового. Чего-то, что я не искала. Но что нашло меня. Сердце у меня билось где-то в горле, и в голове было тихо-тихо, как в зимнем лесу, и я чувствовала только тепло его ладони и мягкость его губ, и от этого во мне поднималось что-то такое светлое и большое, что я едва могла дышать.

Мы сидели в беседке долго. Говорили о русалках. О нагах. О мёртвых мирах. О будущем.

Глава 6

Договор с русалками занял почти две недели. Каждый день Ваэлор и Каэлор спускались к реке вместе с Тиэном. Они сидели на берегу, опустив руки в воду, и говорили. Не словами — тем, что не требует языка. Светом. Теплом. Образами. Я иногда приходила и садилась в стороне, слушая, как вода идёт кругами, как русалки смеются — тихо, мелодично, — и как Ваэлор что-то записывает на бересте, которую потом уносит в башню.

Наконец, на десятый день, Ваэлор позвал меня.

— Они согласны, — сказал он, и в его голосе была усталость, смешанная с удовлетворением. — Русалки и водяные готовы заключить договор. Мы обсудили условия. Они дают нам жемчуг, кораллы, подводные травы и знания о вратах. Мы даём им металл — железо, медь, серебро — и инструменты. Иртас сможет это сделать. У нас есть материал.

— А что с порталом? — спросила я.

— Мы готовы открыть дверь, — ответил Каэлор, подходя. — Но не сейчас. Через несколько дней. Мы должны подготовиться. Они должны подготовиться. Это важный шаг. Нельзя торопиться.

— Что нужно сделать? — спросила я.

— Мы должны выковать металлические пластины с символами договора, — сказал Ваэлор. — Знаки, понятные русалкам. Иртас сможет это сделать. Хельга поможет — она знает руны. И мы должны выбрать день. Тот, когда вода будет спокойной, а звёзды — ясными. Русалки чувствуют воду. Мы должны уважать их обычаи.

Я кивнула. Мы готовимся открыть дверь в новый мир. Мы готовимся подписать договор с русалками. Мы делаем шаг, который изменит всё. Но пока — только подготовка.

Мы готовились три дня. Иртас выковал металлические пластины с символами, которые нарисовал Ваэлор, — знаки договора, понятные русалкам. Хельга и Маэлор настроили арку — проверили каждую кнопку, каждую линию, каждый символ. Тиэн каждый день сидел у воды, слушая русалок, чтобы понять, когда они будут готовы. Тарра переводила последние страницы книги, где говорилось о договорах между мирами. Эстарх и Аэдриэль готовили чернила и пергамент — для подписания.

Параллельно мы занимались другими вопросами.

С нагами надо было начать диалог. Просто стука мало. Наги важны.

Ваэлор понял это первым. Он стоял у арки, глядя на седьмую кнопку — тёмную, с редкими искрами, которые пробегали по её краю, — и его лицо было задумчивым.

— Мы не можем просто стучать, — сказал он. — Наги — не русалки. Если мы будем стучать, они решат, что мы не уважаем их. Или что мы боимся. Или что мы не готовы.

— Тогда что мы можем сделать? — спросила я.

— Мы должны открыть дверь, — сказал он. — Не полностью. Только приоткрыть. Достаточно, чтобы говорить. Голосом. Словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.